

Юрий Безелянский

Нулевые, боевые, пенсионные

Воспоминания
и дневник
москвича

Книга третья |
2000-2010 годы

Воспоминания и дневник москвича

Юрий Безелянский
**Нулевые, боевые,
пенсионные. 2000–2010 годы**

«У Никитских ворот»

2022

УДК 82 (091)
ББК 84 (2Рос=Рус) 929

Безелянский Ю. Н.

Нулевые, боевые, пенсионные. 2000–2010 годы /

Ю. Н. Безелянский — «У Никитских ворот»,
2022 — (Воспоминания и дневник москвича)

ISBN 978-5-00170-545-1

«Нулевые, боевые, пенсионные...»-это первое десятилетие XXI века. Конец лихих 90-х и строительство новой России. Остатки демократии и свободы, но уже тоталитарный накат, цензура, многочисленные запреты и табу. И в этих условиях автор книги, пенсионер по статусу, продолжал биться на всех фронтах СМИ: книги, газеты, журналы, Радио, ТВ, творческие вечера и презентации новых книг. И всё это на фоне плохого самочувствия, нездоровья. Заработанные деньги шли на зарубежные поездки: Франция, Австрия, Италия и т.д. Жизнь бурлила и клекотала. Знакомые шипели: «Завалил Москву своими книгами». За успехом упорно шли зависть и недоброжелательство. В общем, напряжённое, но интересное время, которое располагает к различным воспоминаниям. Особенно это будет интересно прочесть ровесникам, родившимся в довоенные годы. Надеюсь, что и молодые читатели не останутся равнодушными... В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82 (091)
ББК 84 (2Рос=Рус) 929

ISBN 978-5-00170-545-1

© Безелянский Ю. Н., 2022

© У Никитских ворот, 2022

Содержание

Предисловие	7
2000 год – 67/68 лет	8
Запад. Путешествия. Туризм. Кусочек чужой жизни	16
Париж	17
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Юрий Безелянский
Нулевые, боевые, пенсионные.
Воспоминания и дневник москвича.
Книга третья. 2000–2010 годы

© Безелянский Ю.Н., 2022

© Оформление. Издательство «У Никитских ворот», 2022

Предисловие

*Мы с тобой ни в чем не виноваты.
Этот мир печальным сотворен:
Храм восхода – он и храм заката.
Храм начала – и конца времен.
Не случайно свет один и тот же.
Под густой зарею розов путь.
Беззащитно жизнь свою итожа,
Мы детьми становимся чуть-чуть...*

Александр Кушнер

Первый том (1932–1989) – детство, война, юность, школа, начинающий поэт, стилиста, «Нищий студент» (оперетта Карла Миллекера, 1882). Первые профессиональные шаги: бухгалтер, редактор, журналист. Командировки по стране и туристические поездки на Запад...

Второй том (1990–1999). От социализма к капитализму с нечеловеческим лицом. Но при этом свобода творчества, никакой цензуры. Весенний разлив газет, журналов, радиоканалов, ТВ – печатался и выступал почти везде: от «Вечернего клуба» до «Нового русского слова» (Нью-Йорк), от «Науки и жизни» до «Огонька», от «Работницы» до «Космополитена». Останкино, сериал «Старая квартира», «Академия любви» на «Дарьял ТВ». Первая книга «От Рюрика до Ельцина», а затем другие, одна за другой. Крутился, как белка в колесе, несмотря на свои 70 лет. 90-е годы – мой небольшой творческий Эверест.

И вот – третья книга (2000–2010). Нулевые – лично для меня как продолжение 90-х. Был популярен и востребован. Боролся, бился, сражался. В итоге сделал себе имя. Кто-то из читателей удивится, восхитится или пожмет плечами: ну и что?! Просто у одного интеллигента в очках, у москвича, родившегося на Арбате (роддом им. Грауэрмана) так причудливо сложилась жизнь, которую он скрупулезно фиксировал в своих дневниках. Не я первый и, надеюсь, не последний...

Дневники сокращены и олитературены. Быт, творчество, здоровье, погода, общественная и политическая обстановка в стране. Все не в одном стакане, в каком-то большом котле, где текст шипит и кипит. А можно сравнить с коктейлем из разных ингредиентов. Вкушайте, вникайте, читайте. Может быть, кому-то мой личный опыт сражения с жизнью пригодится.

Итак, приступаем к многослойной исповеди одного московского пенсионера.

9 марта 2021

2000 год – 67/68 лет

Главные итоги года: выход в свет книги «5-й пункт, или Коктейль “Россия”», начало многолетнего сотрудничества с журналом «Алеф» (Нью-Йорк, Иерусалим, Москва), поездка в Париж. И еще много чего, в частности, съемки на «Дарьял ТВ» двух многосерийных программ: «Четырехугольник» (история, культура, криминал, любовь) и «Академия любви». «Горбачев-центр», творческий вечер в ЦДЛ, книжная ярмарка, Останкино, газеты, журналы, отдых и выступление в Звенигороде...

Ну, а теперь после анонса событий игра в бисер: подборка эпитафий к 2000 году.

Человек всю жизнь не живет, а сочиняет себя, самосочиняется.
Федор Достоевский

Все мы немного у жизни в гостях, Жизнь – это только привычка...
Анна Ахматова

Наша жизнь выглядит как набросок.
Жюль Ренар (1864–1910), французский писатель

*Дни пролетели и годы;
Наши заботы, труды,
Наши беседы, походы, —
Вот мы и стали седы,
Вот проступила сутулость —
Сколько воды утекло!
Как это долго тянулось,
Как это долго тянулось,
Как это быстро прошло...*

Семен Ботвинник, петербургский поэт (род. в апреле 1922)

3 января – как встречали новое тысячелетие? Дома, вдвоем. Была идея вечером пойти на Тверскую и посмотреть иллюминацию, но все перебил Ельцин. Днем 31 декабря последовало сообщение об его отставке, а потом показали ТВ-картинку, как он говорил: «Я ухожу...» и просит прощения у народа за несбывшиеся надежды. А потом уже в пальто, показывает рукой преемнику Путину: вот, мол, кабинет президента, он теперь ваш. Ужасная сцена, драматическая. Мужественный акт добровольного ухода с президентского поста. Пока 47-летний Владимир Путин (7 окт. 1952) – и.о. президента, в марте выборы и нет сомнения в его избрании. Эпоха Ельцина закончилась, начинается новая: путинская.

Реплика, спустя 19 лет: в тот момент никто не знал, как развернется Россия при молодом президенте. Она отвернулась от Запада, «встала с колен» и затеяла опасные геополитические игры на международной арене. В итоге страна, отринув демократические институты, позиционирует себя новой империей с возвратом к православию и сталинизму, что и привело ее положение «в кольце врагов», к осажденной крепости и обложенной во всех сторон санкциями. Оп-па, разворотец!.. (10 мая 2019)

Мне довелось жить при многих правителях-властителях страны: при Сталине, Маленкове, Хрущеве, Брежнев, Андропове, Черненко, Горбачеве, Ельцине и вот – «малыш» Путин,

выходец из недр КГБ (недавно на Западе вышла книга «Оперативник в Кремле» – 2019). Молодой, энергичный, прагматичный, жесткий (Лубянка все же!).

Все новогодние ТВ-программы в ночь на 1 января были скомканы и затерялись, разумеется, и новогодняя программа «Дарьял ТВ», где я снимался со всей командой и даже прочел какие-то стихи. А по другим каналам Лолита надрывалась про мани-мани, а Малинин исполнял вечные «7.40»...

1 января с Ще поехали на Тверскую, 2-го в дальнюю рошу. 3-го не выходил из дома и печатал для «Дарьяла ТВ» программу «Неделя в четырех гранях» (история, криминал, культура, любовь). А потом вернулся к книге «Коктейль “Россия”». Позвонил Стриж с некоторой обидой на самого себя: «Ты пишешь авторские книги, а я только составительские...» А я вспомнил своих коллег и знакомых по радио, сколько способных ребят с отменным образованием, а кончился Советский Союз, и они почти все оказались на мели: их пропагандистское умение оказалось невостребованным, и я опередил их всех, как бы заранее готовясь к неведомой новой жизни...

9 января – 3-го сидел дома, не выходил, не брился и усиленно молотил по клавишам машинки, печатал на две недели «Четырехгранник» и дневник. А 4-го продолжил «Коктейль “Россия”» – фуганул одиннадцать страниц. И это пенсионная жизнь?.. 5-го на машине отвезли в Останкино, познакомился с бригадой «Доброго утра» на Первом канале (руководитель Ал. Нехорошев) и записал короткую программу с ведущей Аидой Невской. В эфир она вышла 6 января около семи часов утра, мы с Ще ее, конечно, проспали. И 6-го вышел номер «Вечернего клуба» с десятью комментариями по десятилетиям XX века: события России. Увесисто и прикладисто. А вечером по «Дарьял ТВ» маленькое шоу о Рождестве. Так что труды мои не напрасны, и знаменитому человеку на рынке продавщица-медовница подарила банку меда. Натуроплата за известность. Но почивать на лаврах некогда: продолжал «Коктейль».

14 января – раньше следил за прибавлением света, а сейчас некогда отвлекаться. А уже прибавка целого часа утреннего света.

Эдуардо заряжает нас надеждами: обещает поспособствовать поездке в Париж, и еще сообщил, что у Миши есть идея: построить большую дачу в Подмосковье, и тогда предоставим вам вдвоем целый этаж и «будешь там творить, как Дюма». Ах, дача, ах, Париж, ах, Дюма!.. Сладкие рафинадные грезы... А пока пью свой «Коктейль» – и летят странички про национальные корни знаменитых писателей. Дошел до Набокова.

В 1919 году 20-летний Владимир Набоков со своей семьей на судне «Надежда» покинул Россию, но Россия навсегда осталась в его сердце.

«Вся Россия делится на сны», – говорил Набоков:

*Мне чудится в Рождественское утро
Мой легкий, мой воздушный Петербург.*

Чудится... Видится... Мерещится... А вместо старой России – новая Советская. Неведомая и чужая...

В 1999 году в Америке шумно, а в России скромно отмечали 100-летие со дня рождения Владимира Набокова. Вот несколько газетных определений: «Последний дворянин в русской литературе» («ЛГ»), «Свирепый маэстро головокружительного искусства» («Век») «Сердитый мастер слова» («НГ»).

Кому-то очень нравится Набоков, кому-то – совсем нет. «Нра...» Бубеннов с Бабаевским и прочие кавалеры Золотой Звезды. Я – двумя руками за Владимира Набокова. И виват!..

Итак, печатал «Коктейль “Россия”», а 11 января пришлось ехать на радио, на Пятницу и записывать очередную порцию январских событий, случившихся в старой и новой России. Встретил Косичева, и он с раздражением сказал, что видел меня по Первому каналу и как

ведущая Невская не знала, как меня лучше представить: и писатель, и историк, и журналист, и публицист... Подтекст высказываний: да за что такие оценки? Сидел тут у нас в Бразильском отделе – ничего особенного...

Такое же недовольство выразила другая знакомая по радио некая Оля Б.: «Ну зачем ты так много делаешь, ради денег? Но всех не заработаешь...» Что сказать по этому поводу? Чужой успех раздражает многих. И кому нужен этот успех? Бывший центросоюзовец Олег Славный мечтает о пенсии, построить за городом дом и там сидеть спокойно, никуда не рыпаясь и ничего не делая...

Ну, а моя жизнь – сплошное дерганье. 13-го опять Останкино и выступление в программе с психологом Татьяной Базилевич (хороша пара: Базилевич – Безелянский)... Попробовал вечером набросать строки, но дальше первых четырех дело не пошло:

*Ничего не случилось, пожалуй,
Только был новогодний рассвет.
Только легкое время бежало.
Пролетело. И вот его нет...*

Итак, сначала Первый канал, потом по «Дарьял ТВ» прошла 14-я по счету «Академия любви» об Алексее Константиновиче Толстом и его любви с романсом «Средь шумного бала», исполнял Артур Эйзен.

У меня лично не бал, сплошные трудовые будни. Начитываю, печатаю, выступаю, и стопка нечитанных газет – не успеваю. И надо готовиться к следующим выпускам «Академии». Тут выразила недовольство жена, заявив, что книг уже много, а где звания, где мантии, где приличные деньги?!

За окном ясно и лежат остатки снега, температура: –5.

18 января – в субботу 14-го поехал на съемки «Четырехгранника» и ухлопал на это 3,5 часа. Трудности с установкой света, с какими-то бликами. Текст я читаю по памяти, никакого монитора-суфлера, и поэтому иногда ошибаюсь. На следующий день, в воскресенье, снова студия «Дарьял ТВ». Две программы «Академия любви» и две любовные драмы с нашим писателем Сухово-Кобылиным и со звездами мирового кино: Мэрилин Монро и Ив Монтан.

В первой программе – рассказ, как русский барин привез в Россию француженку Симон-Деманш, женился на ней и, судя по всему, дал указание слугам убить ее. Любовь прошла, и Луиза мешала Сухово-Кобылину. Удивительно то, что драматург чтит память Луизы, и потом спустя 9 лет после ее гибели женился на очередной француженке Мари де Буглон, а затем на англичанке Эмилии Смит; и Мари, и Эмилия, – какая странность! – умерли в холодной Москве. А Сухово-Кобылин свою любовную драму с долгим судебным преследованием превратил в драматическую трилогию («Свадьба Кречинского» и далее), где он горько осмеял российские порядки чиновничества и судопроизводства.

Ну, а треугольник Мэрилин – Монтан – Симона Синьоре без всяких общественно-социальных обобщений, просто страсть, которая разрушает жизни. Любовь к герою-французу Монтану привела к очередной катастрофе и разбила жизнь Симоны Синьоре, разрушив ее брак с Монтаном. А на экране во время реальных событий разворачивалась милая музыкальная мелодрама «Давай займемся любовью!» (начало съемок – 1959 год). В том голливудском фильме Мэрилин была неотразима как манкая женщина.

Обо всем этом я рассказывал в «Академии любви» пяти приглашенным студенткам, в том числе двум студенткам Литературного института. Они мало что знали об этих прошлых драмах, но пытались мне подыграть, изображая заинтересованность и удивление.

23 января – все время печатаю, разъезжаю, выступаю под ворчанье Ще: «У нас не жизнь, а сплошная работа, живем не для жизни, а только ради работы...» А что делать? Взялся за

гуж... вот и книгу «Коктейль» практически делаю с листа. Что касается оплаты труда, то как не вспомнить Виктора Шкловского: «Деньги у меня постоянно бывают завтра». И, честно говоря, я иногда испытываю отчаяние. И это при 9-ти изданных книгах, при двух телепрограммах, одной на радио и прочих разовых сочинений-творений. Ну, да, есть немного популярности и известности, – и что?..

Для «Коктейля» занимался справочником «Евреи в русской культуре» – и только в литературе насчитал 128 имен...

19-го в «Радуге» собрали директоров и товароведов книжных магазинов на предмет продвижения книг, и пришлось выступать и мне. 20-го подбирал исторические вырезки для книги в «Пашков дом» – они их потом будут расклеивать...

28 января – хотели пойти на выставку «Голубая роза», не пошли: плохое самочувствие, нет сил да времени, не вылезая из работы, как из болота. Наташа из Дортмунда по поводу новых книг: «Ты, наверно, уже миллионер!» Да, старая забава: считать чужие деньги. А мудрый Шолом-Алейхем говорил: «Странная вещь эти деньги: то их нет, то их совсем нет».

На «Дарьял ТВ» бушует старший Вайнер, которого мы за глаза с Большаковым зовем «капиталистическим спрутом». У Вайнера идея приглашать в «Академию любви» не студентов, а зрелых дам с именем. Стал названивать и приглашать. Вероника Долина почти согласилась, Вера Глаголева не может: улетает в Америку. Амалия Мордвинова согласилась, но при этом сказала, что очень занята в различных проектах и ее надо «ловить» в Питере. Ловитель Амалии – это не для меня...

25 января в «Горбачев-центре» встречался с дочерью экс-президента, очаровательной Ириной Вирганской. Договорились о сотрудничестве в «Клубе Раисы Максимовны». Поцеловал благоухающую щечку Ирины, а она – мою. Единственный позитив за всю неделю... Хотя отпечатан третий тираж книги «Улыбка Джоконды» (всего 15 тысяч экземпляров).

Печатал шпаргалки к очередным программам «Академии любви». Поздравлял с днем рождения Римму Казакову и обещал подарить «Клуб 1932», а она: «Мне уже подарили несколько штук».

31 января – описывать, что писал, что делал, что рассказывал, честно говоря, надоело. Тем более что затем все это фиксировать в дневнике. Выделю лишь смешной прикол съемок в «Академии...» в программе о Гоголе, где снимали эпизод рассказа, как Николай Васильевич в сердцах бросает в огонь последнюю главу второго тома «Мертвых душ». Никак не мог эффектно бросить стопку листов в камин, и пришлось снимать пять дублей. И писать тяжело, и сжигать написанное тяжело...

В воскресенье 30-го с утра – на студию Горького, снимали три программы с маленькими перерывами. И вновь технические накладки с аппаратурой, то светильник падал, то еще что-то. Главный оператор Грачик исколдовался. Ну, и мне досталось. Рассказывая о Людвиге Первом Баварском и ворвавшейся в его дворцовый кабинет Лоле Монтес, вошел в раж и сбил микрофон. А во время живописания ночного разговора на веранде в Лутовиново между Тургеневым и Марией Савиной вдруг в соседней студии врубили дрель, и пришлось остановить съемки. И мне прервать рассказ о тишине ночного сада, о ночных ароматах цветов и о затаенном дыхании молодой актрисы, которая жаждала признания Ивана Сергеевича...

Итак, съемки, а потом еще воленс-неволенс, а почти что надо смотреть уже в эфирной сетке. Ще бурчит: «Тебе не надоело смотреть на себя?»

7 февраля – и все же выбрались на Волхонку смотреть «Голубую розу». Очень приятные и многослойные картины Судейкина, Арапова, Фонвизина, Борисова-Мусатова, Сапунова, Милиоти, Петра Уткина, графика Филофактова. И так захотелось прочитать про них, про жизнь, творчество и любовь, но жизнь не позволяет. По Вознесенскому: «Некогда, некогда, некогда!...» А тут еще приключения с зубами, пришлось дергать, потом укрепляющие уколы и, разумеется, незапланированные траты.

Один из сереньких журналистов Ф. из «ВК» получил на фестивале прессы какую-то премию. А у меня ни премий, ни призов. И это закономерно: они все в стае и поддерживают друг друга, а я по-прежнему одинокий волк, мало с кем общаюсь и ни с кем не пью водку. Только «Трабаахо» – работа. 5-го в субботу умудрился после рынка сесть за машинку и грохнуть 10,5 страницы «Коктейля». Интересно, кто так работает из пишущих: и на рынок ходит, и сумки таскает, и книги пишет?... Донимает музей Гольденвейзера (хотят, чтобы я о них что-то написал), журнал «Кутузовский проспект», – отказываюсь, отбиваюсь, не справляюсь...

Сегодня в офисе Георгия Вайнера на Тверской-Ямской молодой Юрий Рябинин брал двойное интервью у меня и у Жоры для «ВК» – о литературе, о жизни, о деньгах и т. д.

14 февраля – игнорирую гонорары, но сделаю исключение, чтобы прояснить картину «миллионов». В Электрическом переулке, в офисе Вайнера, получил за программы на «Дарьяле» – 190 долларов, в рублях – 5.460 (курс 28,8). А в «Радуге» получил роялти за несколько книг – 13.724. Как там у Маяковского? «Небольшие деньги – поживи для шика...» Но в той же «Радуге» окончательно отвергли рукопись «Капризы любви» (ранее не изданная в «Рипол-классик», хотя и была подготовлена к изданию, – так получилось...)

10 февраля – ездил на Шаболовку, где башня Шухова, на канал «Культура», общение с Катей Андрониковой. Подарил книги и жду вердикта.

13-го – запись трех «Академий»: 1) отец и сын Иоганны Штраусы; 2) Николай Гумилев; 3) разные судьбы: Репин и Левитан... Домой вернулся без сил, как в тумане. Поел-поспал-пришел в себя. Раскрыл газеты, а там сплошной Путинг, Путиноведение, пудель Путина и т. д.

Попал в опрос «ВК», компания: Виктор Ерофеев, Ник. Сличенко, композитор Евгений Дога, мой антагонист Станислав Куняев...

27 февраля – выделяю только: фонд Сороса закупил книги «Вера, Надежда, Любовь» для российских библиотек...

22 февраля – пригласили выступить на семинаре группы из Чебоксар (Чувашия) в Литературном институте. Все прошло замечательно, общее мнение: приходил удивительный человек, настоящий энциклопедист. И, кстати, сколько весит энциклопедист? 77 килограмм. А Ще – 75. Это для истории...

24-го готовился к ТВ: начитывал последовательно Вольтера, Бальмонта и про Лилию Брик. Интересны были воспоминания Андреевой-Бальмонт, который был «Я – весь весна, когда пою, / Я – светлый бог, когда целую». Таких божественных целовальников днем с огнем не сыщешь!.. А вечером смотрели по «Дарьялу» отснятую программу про другого кудесника жизни и карьеры – Алексея Толстого и порабощенную Тусю – Наталью Крандиевскую.

Ну, а громыхал Сергей Доренко, громил «партию грязи» и «партию подлецов». Я на такие разоблачительные взбрыки-крики не горазд. Я только лирик и ироник, не боец и не баррикадник...

2 марта – стукнуло 68 лет, а в этот день пять лет назад грохнули молодого Влада Листьева. У всех своя судьба.

27-го ездил на Пятницкую, еще одна р/с – «Открытое радио». Некто Мих. Антонов в течение 40 минут тербил меня вопросами. Разговор об истории, о книгах. А 29-го повезли в Останкино, в «Добрый день», к Андрею Малахову, по существу выполнял роль соведущего. Среди приглашенных гостей – астролог, солистка Большого театра, балерина Маша Володина и Люба Гурвич, вдова, с тремя солистками из «Летучей мыши». Программа на «ура» и это не «Дарьял ТВ», тут миллионная аудитория.

1 марта – другое мероприятие, акция «Радуги» в Доме книги на Новом Арбате, подписал книг 20. Был Засурский, но купил не меня, а том Хаксли... Что-то барахла коленка. Внутреннюю жалобу прекратил, вспомнив цитату из Михаила Светлова: «Пока мы жалуемся на жизнь – она проходит». Возраст? Но Анатолий Франс в 68 лет написал «Боги жаждут», Вольтер работал и после 80 лет. Так что будем работать и дальше, главное, чтобы не мешали рулящие

товарищи сверху. Тут Виталий Коротич точно заметил: «Наше государство, как псих со справкой, может делать все что угодно и ни за что не отвечать».

8 марта – возвращаясь ко 2 марта – было 25 поздравительных звонков. Отмечали дома вдвоем, тихо и спокойно, коньяк «Хеннесси», тюльпанчики, мороженое-пирожное, и по «Дарьялу» смотрели «Академию любви» про отца и сына Штраусов. Вена, любовь, вальсы...

3 марта поехал на Пятницкую записывать свои исторические программы «Календарь истории». Редактор Павел Морозов: «Вы наша звезда». А звезда отбарабанил текст и поехал домой продолжать национальные исследования в книге «Коктейль “Россия”».

6 марта: утром в эфире по радио, днем презентации книг в магазине, вечером – на экране «Дарьял ТВ». А где адекватный материальный ответ? Его нет. Скромный гонорарный ручеек... Порой накатывает отчаяние, тогда ищу утешения в своих сборниках поэзии, в строчках моих любимых поэтов. Вот начало стихотворения Николая Гумилева «Театр»:

*Все мы, святые и воры,
Из алтаря и острога,
Все мы – смешные актеры
В театре Господа Бога...*

И концовка:

*...Множатся пытки и казни...
И возрастает тревога,
Что, коль не кончится праздник
В Театре Господа Бога?!*

13 марта – погиб в автокатастрофе успешный журналист Артем Боровик в пушкинские 37 лет (дополнение: в томе «Журналисты XX века: люди и судьбы», 2003, мы с Боровиком стоим рядом в главе «Открытый финал», я – на 601 странице, он – на 606 с подзаголовком «Он так много оставил нам...» 13 мая 2019). Печальные новости идут косяком: жертвы военных действия в Чечне, по экрану то и дело показывают похороны и гробы. Если бы не работа, то можно сойти с ума. А так, работа выручает. «Академия любви» – кладезь отвлечений. Какие люди! Какие страсти! Стендаль, Тютчев, Софья Потоцкая – готовился к очередным программам. И как не вспомнить совет Федора Ивановича:

*Играй, покуда над тобою
Еще безоблачна лазурь;
Играй с людьми, играй с судьбою,
Ты – жизнь, назначенная к бою,
Ты – сердце, жаждущее бурь...*

(25 июля 1861)

10 марта в доме кино презентация книги Георгия Вайнера «Умножающий печаль», вел Армен Медведев. Потом 60 человек уселись за столики в ресторане, как, выразился Жора, «теплые и близкие друзья». А на следующий день в «ВК» вышла публикация – двойное интервью Ю. Б. и Вайнера под заголовком «Одинокие пророки» с фотоснимком: стоим оба спина к спине, и оба с ядовитыми улыбочками.

21 марта – домашнее сочинительство, потом поездки по редакциям – «Век», «Кумиры», «Смена». А 14-го выбрались в ЦДРИ на концерт, посвященный Майе Кристалинской (член «Клуба 1932»). Задушевно исполнила старый романс Лариса Голубкина – «У камина»:

*Ты сидишь одиноко и смотришь с тоской,
Как печально камин догорает...*

15 марта – ВВЦ, павильон 20, выставка-ярмарка «Книги России». Подписывал свои книги, но не удержался и купил две чужие: дневник Суворина и воспоминания фон Мекк.

16 марта в эфире очередная «Академия»: Илья Репин и Исаак Левитан. Две противоположности. О них написано в «Улыбке Джоконды» (1999). Взрывной, энергетический Илья Ефимович. «Не ждали», натруженные бурлаки, обезумевший Иван Грозный... И совсем другой человек – Исаак Левитан, художник тоски и печали, и как тут не вспомнить строки Бальмонта:

*Есть в русской природе усталая нежность,
Безмолвная боль затаенной печали...*

У Левитана тоска – как основная доминанта жизни. Такова была физиология его и психология. Ему советовали:

– Вот, Исаак Ильич, женились бы, были бы у вас маленькие левитанчики...

Но семья и дети Левитана пугали.

20 марта – рассчитался с налоговой инспекцией, сдал наконец-то рукопись «Коктейля», и заключили договор. Получил денежки от старшего Вайнера – «спрута» за съемки, и на горизонте – Париж...

Эдику сочинил строки к 24 марта:

*Какие могут быть слова?
Всего лишь 60 и два.
Немного, право, – и шагать
Еще вперед и не вздыхать.
И не тужить, и не роптать,
И радость жизни собирать,
Как пчелы, что приносят мед, —
Блажен, кто счастливо живет.*

24 марта – неожиданный звонок от Сергея Капляняна, он издает информационно-литературный журнальчик «Нью-Йорк инфо», просил какие-нибудь материалы. Но я уже нахожусь на волне Парижа, и ничего не хочется делать. Хожу по комнатам или сижу на диване и соображаю. Ще сделала заключение: «Ты без работы – стихийное бедствие!»

Прилетел Эдик с приглашением, и 23 марта мы с Ще с утра пошли оформлять визы на Якиманку. Постояли в очереди. Все получили. Вечером по «Дарьялу» смотрели «Академию», посвященную Вольтеру. Вольтер – это уже Франция!..

26 марта – 24-го выборы президента РФ. После того, как ВВП заявил, что будет «мочить врагов в сортире», он сразу выпал из наших кандидатов. Бороться, сражаться, ликвидировать и прочее, – это понятно, но неприятно резануло слух это бандитско-хулиганское «мочить». Извините, полковник КГБ, мы не за вас. Но и выбора нет: отвратно красный Зюганов, Подберезкин, Тулеев – все выходцы из КПРФ. Остается Явлинский, и проголосовали за Гришу. Говорит хорошо и правильно, но, увы, нет руководящей харизмы. И не мужик!..

25 марта в «ВК» опрос: «Если бы вы стали президентом, какие бы приняли первые указы?» Отвечали Мария Арбатова, Зоя Крахмальникова, композитор Вл. Дашкевич, Лев Аннинский, Шендерович, Святослав Бэлза и Ю. Б. Вот мой ответ:

«Первым же указом подвел черту под коммунистическим прошлым. Официально закончил бы коммунистический эксперимент. Покаялись бы за содеянное, за 60 миллионов погубленных жизней. С обрубленным хвостом коммунизма можно смело входить в цивилизационное общество. Ну, а далее – борьба с нищетой, преступностью, коррупцией, экономической неразберихой».

24-го – день рождения Эдика. Преуспевающий бизнесмен Миша поинтересовался моими делами, скривился по поводу «Дарьял ТВ» (это не то!), и тут же позвонил Ирине Лесневской (она его родственница), хозяйке канала РЕН ТВ, и попросил ее «принять моего дядю».

2 апреля – свои дела идут, а чужие бушуют. Журналист-киллер убрал мэра Москвы Юрия Лужкова, и мгновенные изменения в «Вечерней Москве», туда перебросили из «ВК» «сладкую парочку» – Евсеева-Михайлова. Редакция «Вечернего клуба» в панике, назначенный Ф. – это насмешка. Я перед поездкой сократил свою деятельность и занимаюсь разборкой архивов, как будто уже старик и без всякого дела.

В 64 года знаменитый Суворин записывал в дневнике: «Только злишься на эту старость, которая съедает и энергию, и талант, съедает душу. Очень скверно, но ничего не поделаешь» (12 марта 1898).

Об Алексее Сергеевиче Суворине в советское время писали так: либеральный журналист, ставший впоследствии реакционером и черносотенцем (большевиков не поддержал?).

4 апреля – так долго ждали этого вожденного Парижа, что перегорели в ожидании. Ще так и сказала: «Хочу, чтобы наступило 16 апреля, и мы уже приехали домой...» Следим за курсом: доллар США – 28,78 руб. Десять французских франков равны 41,82 руб. В Париже +15, дождь. В Москве +5, но дождь прекратился...

Запад. Путешествия. Туризм. Кусочек чужой жизни

Путешествия развивают ум, если, конечно, он у вас есть.
Гилберт Честертон, английский писатель

Чем дальше отдаляются годы, тем ценнее становятся воспоминания о чужих городах и странах, в которых удалось побывать. Ну, а с возрастом тем более. Это так же остро, как первая любовь или первый поцелуй. Париж, Венеция, Вена, Амстердам, Монтрё, Монте-Карло, Баден-Баден... И наплывают картины, средневековые площади и улочки, соборы и храмы, статуи и колонны, дворцы и музеи, – и замираешь от восторга. И диван, на котором ты сидишь в домашних тапочках, неожиданно превращается в прогулочный корабль, и он торжественно плывет по Рейну и Сене...

Достаю старые записи-отчеты о поездках в Европу и вчитываюсь в буковки и слова. Естественно, кое-что опускаю, сокращаю, но при этом не меняю аромат поездок и чувство восторженного удивления. Как писал русский поэт в эмиграции Кирилл Померанцев:

*Опять по дорогам Италии, —
Порывисто дышит мотор.
Венеция, Рим и так далее,
Помпеи, миланский собор...*

Итак, гаснет свет, и на экране возникают пожелтевшие кадры хроники европейских вояжей.

Титры: апрель 2000 года, Париж... (14 мая 2019).

Париж

Он часть истории, идея, сказка, бред...
Валерий Брюсов, «Париж», 1903

5 апреля – Шереметьево, аэробус А-310, взлет в 10.21. Нормальный полет, и даже покормили с вином «Пьер жавэ» в маленькой бутылочке. И разговоры с соседями, с художником Алексеем Шмариновым и его женой Мариной, живущими на Западе.

Приземлились в 13.57. Такси и с ветерком до Парижа – 196 франков. Маленькая гостиница – Hotel Charlemagne на rue Charcot – две звезды. Номер 307 на третьем этаже в торце здания, 470 франков с завтраком, 11 дней – 5.170 франков, это где-то 780 долларов – фавор от Эдика. Погода серая, как в Москве, +6. Удобство – метро рядом. 16 округ – по существу ближайший пригород Парижа. Взбодрились кофе и на метро покатали на Елисейские Поля. И в первом кафетерии «Бриош» перекусили булками с помидорчиком, ветчиной и еще чем-то, пирожное и чай – «ти».

Походили по «полям», поглазели на дорогие витрины магазинов, вернулись на авеню Мадрид, вышли на Мориса Барреса, где стоит Мишин дом (точнее, где он снимает апартаменты) с окнами на Булонский лес. В 20.08 по-московски, в 22.08 по-парижски вернулись в отель, без ног...

6 апреля – ночью было прохладно, без раскаленных московских батарей. Скромненький завтрак: масло, джем, круассаны, кофе с молоком – и так все 11 дней, без разнообразия.

Первый маршрут: музей Орсе (12-я линия метро, Солферино). По мнению знатоков, Musee d'Orsay – самый удобный в мире, он расположился в здании бывшего ж/д вокзала – огромное и роскошное здание. Осмотреть все выставленные картины практически невозможно, тем более с ходу нас ошеломил Густав Курбе с его знаменитыми «лоно» – с черным манящим туннелем наслаждения. Недалеко оказался скандальный «Завтрак на траве» Эдуарда Мане (1863). И нескончаемые персональные залы художников, и каждая картина знаменитее другой: Энгр, Делакруа, Коро, Пюви де Шаванн, Ренуар, Писсарро, Сислей, Одилон Редон, Тулуз-Лотрек и т. д. Новая экспозиция поляка Жака Малцевского. Стоп, хватит перечислений, сделаем отступление и вставим кусочек из будущей на тот момент моей книги «За кулисами шедевров» (2005) об Эдуарде Мане и его «Завтраке», тем более что он – мой ранний ровесник, родившийся ровно 100 лет ранее меня – 23 января 1832 года в Париже. Умер в 1883-м, в возрасте 51 года.

Мане в молодости выгнали из студии как недостаточно одаренного. Но он настойчиво искал свой путь, ломая глухую стену непонимания, пошлости, рутины, созданную признанными академиками живописи. Когда преграды и бастионы косности пали, то неожиданно для всех открылся голубой и сверкающий мир – пленэр. Яркие лучи света заиграли на холстах. Зрители, привыкшие к коричневому полумраку и тусклому отблеску свечей, вдруг увидели на картинах золотистый солнечный свет, настоящую революцию света. Он играл и переливался. Воздух вибрировал и ломал привычные линии. Сдались даже старые адепты академизма, всех потянуло поучаствовать в завтраке на траве в обществе обнаженных дам.

Но это потом, а вначале шквал неприятия и критики. Император Наполеон III назвал картину Мане «неприличной»... Не менее ожесточенное неприятие вызвала другая картина Мане «Олимпия» с желтым животом и похожая на гориллу, – подобное сравнение было в ходу...

Последняя картина Мане «Бал в «Фоли-Бержер» – сцена шумной и блестящей жизни Парижа. Полотно имело шумный успех и художника объявили кавалером Почетного легиона, на что художник грустно заметил, что власть «могла сделать меня счастливым, а теперь это уже слишком поздняя компенсация за 20 лет неудачи».

В день смерти Эдуарда Мане 30 апреля 1883 года его коллега Эдгар Дега сказал: «Он был более велик, чем мы думали».

Великий Эдуард Мане! Импрессионизм в живописи обязан Эдуарду Мане всем, но сам он, что удивительно, остался вне его. Он повлиял на всех своих коллег-художников, но предтечей импрессионизма не стал. Он просто вдохнул жизнь в новое направление живописи, одновременно став и новатором, и традиционалистом.

Но отложим книгу «За кулисами шедевров» и вспомним великолепные залы, своды и этажи музея Орсе (30 метров в высоту и 140 в длину). Устав, поднялись в кафе наверх, и закружилась голова: перед нами оказался стеклянный витраж-часы, сквозь которые открылся вид Парижа. И только кофе со вкусом шоколадного торта привел нас в чувство. Добавили к увиденному еще Анри Руссо, Ван Гога, Сера и, нагруженные по самую макушку эстетизмом, вышли на воздух, на набережную Анатоля Франса, и взойшли на мост Александра III. Тоже можно сказать, чудо из чудес. Величественный, истинно имперский и не лишенный изыска (и что такое наш Крымский мост, к примеру, в Москве? Так, дорога для транспорта над водой. Без всякого шика и шарма).

Далее так называемый Дом Инвалидов – великолепный ансамбль архитектурных сооружений с потрясающим золоченым куполом. Франция всегда участвовала во многих войнах, и Людовик XIV подписал эдикт о сооружении «священного приюта для славных ветеранов».

Была построена просторная богадельня, военный музей, собраны трофейные пушки, церковь Сен-Луи-дез-Инвалид, и потрясающая гробница Наполеона (из карельского порфира, присланного из России с согласия Николая). Гробница французского императора производит сильное впечатление своим величием и художественностью. Великий император, победитель многих сражений: Каир, Абукир, Маренго, Ульм, Фридланд, Эйлау, Аустерлиц... Провел много удивительных реформ. Прославился на все времена и... плохо кончил. Невольно вспоминаются печальные строки лермонтовского «Воздушного корабля»:

*Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нем треугольная шляпа
И серый походный стортук...*

*Соратников громко он кличет
И маршалов грозно зовет.
Но спят усачи-гренадеры —
В равнине, где Эльба шумит,
Под снегом холодным России,
Под знойным песком пирамид.
И маршалы зова не слышат:
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили
И продали шпагу свою...*

«От солдат, – говорил Наполеон, – требуется прежде всего выносливость и терпение; храбрость – дело второе». Наполеон Бонапарт был кумиром многих поколений, и в частности, юной Марины Цветаевой. Да и в моем раннем архиве хранится открытка с изображением Наполеона. Книжки Тарле и Манфреда об императоре я читал почти с восторгом...

После осмотра Дома Инвалидов, – это я возвращаюсь к парижской прогулке, – мы подкрепились обедом и отправились на отдых в отель (в первый поход вышли около 9 утра, вернулись в 14.35). Немного вздремнули, пополнили силы, и вновь – труба зовет!

От метро «Бастилии» к новой опере, прозванной парижанами «бегемот в ванной». Далее по рю Сент-Антуан к площади Вогезов, которая свое начало ведет с 1612 года. Очаровательная площадь. Со всех сторон ее окружают особняки с аркадами, в центре – сквер. На площади находится дом, где жил Виктор Гюго и где он написал много романов, в частности «Отверженные».

Далее улица Риволи с аркадными домами, отель де Виль (парижский муниципалитет), здание украшено статуями. Перед зданием – фонтанчики. Красиво, ну, и что-то еще видели, осмотрели, восхитились и, как говорится, без ног. Эх, Париж создан для молодых спортивных ног. Пенсионерам в Париже тяжело... Возвратились в отель, снова отдохнули, поспали и в третий тур. В метро первой линии до Шато де Венсен (до Венсенского дворца), в нем жили все французские короли, начиная с XI века. Вернулись еле-еле, но что об этом! Кто-то воскликнул: Париж стоит мессы! А я скажу: и громадной усталости!..

7 апреля – проснулись рано, и на завтрак, на столике лежит свежая газета «Фигаро» (предпочел бы «Правду» или «Советский спорт»). И вперед, к знакомому уже отелю де Виллю, по пути попали в какой-то хозяйственный универмаг и обомлели от изобилия хозяйственных «штучек» – ручек, гвоздиков, замков и т. д. и т. п. Для русского человека это непривычно пугающе, а что выбрать?! Приходили в себя у модерн-фонтана Игоря Стравинского. А дальше Бобур – Центр им. Жоржа Помпиду. По дороге готическая церковь Сент-Эташ, где Ще поставила свечку... Знаменитое Гранд-опера, которое в эмигрантском отчаянии подумал в одном из стихотворений взорвать Георгий Иванов... Зашли внутрь и осмотрели парадную лестницу. А закончили прогулку по Елисейским Полям. Снова отель. Отдохнули, и что? Руссо-туристо неуем: в 17.30 модный Дефанс, вскоре стало темнеть и над Парижем завис серп луны. В отеле нас навестили Эдик со Светой и подарили три роскошных розы. Немного ТВ – футбол, эстрада, – и легли в половине первого ночи по-московски.

8 апреля, 4-й день – по 13-й линии метро отправились в Сент-Дени, в собор XII–XIII веков. Ранний шедевр готической культуры. Из Сент-Дени на Елисейские Поля, свернули и ба! – Елисейский дворец, резиденция президента. Подошли к гвардейцу-стражнику (под два метра) и наивно спросили, а можно ли подарить книгу «Клуб 1932» Жаку Шираку. Гвардеец ничего не понял по поводу книги, в ворота, естественно, не пропустил, но при этом был улыбочиво любезным и только повторял: «Россия! Путин!»... Фокус пообщаться со знаменитым ровесником не получился. Нет так нет, – мы пошли на Фобур-Сент-Оноре, где расположились дома моды самых знаменитых модельеров Кристиана Лакруа, Ива Сен-Лорана, Карла Лагерфельда, Джанни Версаче, Ашиды из Японии и др. Ну, и, конечно, Живанши и Кардена.

В глазах и голове все путалось, а мы шли и шли – Галереи Лафайет, отель «Бристоль», снова вышли на Шамс-Элизе и вновь подивились праздничной и разнообразной толпе гуляющих по Елисейским Полям, кто в дорогой меховой шубе, кто в легкой спортивной майке, кто во что горазд. Никакого казарменного однообразия. Снова «Бриош», снова бутерброд-булка, чай, пирожное, и вернулись в свой угловой отель в 13.50. Сок маракуйя и лежбище часа на три.

А вечером в гости. Эдик появился в Париже и принимал нас на съемной квартире на улице Инкерман. Интеллигентная квартира с книгами и с выходом на крышу-садик. Там наш спонсор учинил не ужин, а скорее пир: лососина, индейка, салаты, разнообразные фрукты, соки (лично я полюбил мульти), израильское кошерное вино, ликер, – и все от пуза. Нагрузились, как два танкера. В 11-м часу вечера Эдуардо отвез нас в отель на своем «Пежо». Был такой, кажется, фильм «Сладкое обаяние буржуазии» – не помню точно. Но обаяние и запах денег...

9 апреля, воскресный день – вышли в 9.15 (11.15) и более шести часов мотались по городу. На метро миновали район Пасси, где жил Бунин, и посетили кладбище Монпарнас. Рядом 59-этажный небоскреб, как считают французы, символ больших надежд и безвкусицы. Само кладбище за бульваром Распай. Здесь могилы Шарля Бодлера, Беккета, Мопассана, Сен-Санса, Сартра и Симоны де Бовуар и еще многих других знаменитостей. Там же упокоился

и русский эмигрант Хаим Сутин. Случайно набрали на захоронение Пьера Ля Русса, автора знаменитого словаря. А что касается бедного Бодлера, то у него много строк, посвященных смерти, «где правит ночь, хозяйка гробовая».

*И вас, красавица, и вас коснется тленье,
И вы сгниете до костей,
Одетая в цветы под скорбные моления,
Добыча гробовых гостей...*

(перевод В. Левика)

А рядом с кладбищем небольшой художественный рынок – картины, украшения и разные безделицы. Сияющая и кипящая жизнь... Заглянули на Монпарнаский вокзал, а далее отправились на остров Ситэ. Вышли из метро – базар цветов, птичек и разной живности. Углубились в заповедный район на остров Сен-Луи, где, как отмечают справочники, «царят покой и богатство». Посидели в каком-то ресторанчике – 263 франка, как говорил Маяковский: «небольшие деньги, поживи для шика».

В обратный путь по Орлеанской набережной вдоль острова Сите, колыбели Парижа. Дошли до конной статуи Генриха IV и немного посидели в садике, прислушиваясь к гудящим ногам. Пошли дальше и посидели в кафе Сары Бернар. И снова пошагали мимо колонны в честь побед Наполеона.

Возвратились в отель. Передых к вечеру, снова Шанс-Элизе.

10 апреля – с утра бурчание и недовольство: номер узкий, не развернешься, завтрак скудный и прочее. Надо выползать и знакомиться дальше. Решив, поехали в район Сан-Керман-де-Пре, литературный центр Парижа. Площадь Одеон и прилегающие изысканно элегантные улицы с неповторимыми рельефами домов. И все кругом дышит историей. На улице Конде в доме № 26 Бомарше в 1773 году написал комедию «Севильский цирюльник». В легендарное кафе «Вольтер» заходили сам Вольтер и Дидро. В более поздние годы – поэты Верлен и Малларме, еще позднее – Хемингуэй и Скотт Фицджеральд, который где-то рядом с кафе написал своего «Великого Гэтсби».

В другом не менее знаменитом кафе «Марго» (Les Deux Magots) висит список знаменитых посетителей, начиная от Артура Рембо. Часто тут спорили за столиком Сартр с Симоной де Бовуар... Нашли русский книжный магазин Струве, и там я подарил и подписал свою книгу: пусть знают!..

В 12.13 – исторический момент на подъемнике на Сакре-Кер. Базилика с отражением разных архитектурных стилей, в том числе и античности. Любопытно, что этот собор возведен «во искупление грехов коммуны»... Его строительство закончили в 1919 году, и с его площадки Париж виден как на ладони. Помимо подъемника, можно подняться к Сакре-Керу и по узким ступенькам, их 217... Рядом бьется художественное сердце Монмартра, рай для художников и туристов. Посидели в кафе: кофе и кусок торта с клубникой – на 110 франков. Спустились вниз с холма на бурлящую улицу с магазинами, зашли в «Тати» – магазин бедных, купили маечку – всего 19 франков. Для смеха.

Далее учинили проход от площади Пигаль до «Мулен Ружа» – кругом эротические заведения, соблазнительные фото и картинки и пахнет пороком. «Скорей отсюда!» – тянет меня Ще, подальше, подальше «от буффонады нагих тел, женских и мужских». Вышли на станцию метро «Бланш», и в отель. Накупили разных сырков, фруктов, йогуртов – все это дешевле, чем в кафе. И устроили в номере французский ужин.

Отдохнули, и снова в дорогу. В 19.15 встретились со старой мадам Парижа – Эйфелевой башней. Когда-то она (300 метров вышины) была самой высокой в мире. Сегодня ее давно обогнали другие высотки, но не обогнали ее в кружевном железном изяществе. Она парит над

7-м округом и всем Парижем. С разнообразной цветовой подсветкой... Полюбовались и двинулись на Марсово поле, далее на авеню Рапп и вышли к военной школе и к памятнику генералу Жофру. А на Трокадеро взглянули на другого полководца Франции, Фердинанда Фоша. А пока шли, стала загораться Эйфелева башня и переливаться огнями, а нам-то, бедным советским людям, казалось, что краше рубиновых звезд Кремля ничего не бывает. Далее без комментариев...

Вернулись в отель поздно. Переполненные впечатлениями. О, Пари!..

11 апреля – встали и обнаружили, что ноги сводит судорогой от нахождения – плата за пешие прогулки. Накушались Парижем? Нет, еще нет. И отправились в Лувр, а он... закрыт. И пришлось пойти в сад Тюильри (jardin des Tuileries) наслаждаться роскошью фонтанов и скульптур. Этот сад разбили для Екатерины Медичи, чтобы она не очень скучала по родной Тоскане. Далее Риволи. Подивились конной статуе Жанны д'Арк. И далее, далее, мимо Галереи Лафайет, торгового центра «Самаритянин». И в каком-то маленьком кондитерском магазинчике я зацепил шоколадную вазу, и она с треском разбилась. Мы с Ще застали в ужасе. Прибежала какая-то уборщица, все убрала и, взглянув на перепуганную Ще, улыбнулась ей: «Мерси, мадам!» Спасибо за происшествие! А что было бы в нашем магазине? Крик, вопли, базар, а возможно бы, и мордобой... Наши нравы – не их нравы!

После осколков шоколада приходили в себя в церкви Сент-Трините. Возвратились в отель. Отдохнули и, наконец, Эдуардо выкроил для нас время и повел в Пиццу-Хат на проспекте Шарля де Голля. Сицилианская вегетарианская пицца оказалась обалденно вкусной, да плюс еще блюдо с цыплятами. Водичка, мороженое – до отвала. Но это не все, Эдик повез нас на ул. Мориса Барреса, в Мишины апартаменты, где познакомились с 11-летней Сонечкой, внучкой Эдика, которая с удовольствием демонстрировала нам, как она дрессирует сиамскую кошку: «Прыгай! Иначе я из тебя паштет сделаю!..»

В подземном гараже Эд показал нам Мишин красный «Ягуар», а потом сели в серебристый «Пежо» и отправились в автопрогулку по Парижу, при этом ноги почему-то не гудели. Улица Лян, советское посольство, Булонский лес, туннель Альма, набережная Кеннеди, улица Моцарта и обратно в отель. Так прошел еще один парижский день.

12 апреля – прохладный день, как раз для музея. И, наконец-то, Лувр. А это – бесконечный сплошной лабиринт коридоров, залов, лестниц, галерей. Скульптуры и картины. От Древней Греции, от Венеры Милосской, до шедевров Эль Греко и Гойи. По Лувру тяжелее, чем по улицам Парижа, все время надо всматриваться, восхищаться и ахать. Устали, сели на банкетку и перекусили под картиной Гвидо Рени, художника из Болоньи. Приободрились и насладились «Жилем» Антуана Ватто, а уж от «Бани» Энгра оторваться невозможно. Женские прелести – клубника со сливками... Никола Пуссен, Клод Лорен, Франсуа Буше, Жан-Оноре Фрагонар... А после, как взрыв: «Свобода на баррикадах» Делакруа. Революционный порыв с обнаженной грудью. Интересно, повлиял ли Делакруа на строки Хлебникова «Свобода приходит нагая»?..

Как всегда, клубящаяся толпа около «Джоконды». Я смотрел на Джоконду, как на свою знакомую, с которой мы встречались не один день, когда я писал книгу «Улыбка Джоконды» (она была подписана в печать 3 февраля 1999). И казалось, она улыбалась исключительно мне. А вот и мой поклонник и хроникер жизни появился. Приятно вас видеть...

Оторвавшись от Джоконды, бредем по залам дальше. Обилие картин фламандцев и... начинается «синдром Стендаля» – головокружение от красоты. И поняли: только в отель! Первый выход закончился (9.35-14.35), а потом состоялся второй (17.35–19.30). Без Эдика. По авеню де Голля, в боковые улицы, еще один памятник Жанне д'Арк. И на упокой – немного ТВ и беспокойный сон, с кошмарами из Франсиско Гойи...

13 апреля – наконец-то Эдуардо освободился от навалившихся на него дел и посвятил нам более 12 часов, с утра до вечера, возил нас туда-сюда, плохо зная парижские дороги и паникуя при этом. Меня он возвел в «штурманы», а Ще – в чтицу дорожных указателей. Так и

передвигались. Начали с Мальмезона – резиденции Жозефины Бонапарт. Дворец, парк, весенняя зелень, тишина, словом, райское место. Только вот вопрос, была ли здесь счастлива Жозефина? Но историей заниматься некогда, и мы нащупываем новый маршрут: Буживаль, музей-дачу Тургенева. Но музей закрыт, открыт только по воскресеньям, на воротах большой, чисто российский амбарный замок. Так и не узнали, в какой обстановке жил здесь Иван Сергеевич...

Далее – Сен-Жермен-ан-Ле – замок и музей антиквариата. Один золотой бюстик женщины, сделанный чуть ли не 20 тысяч лет назад. Вот это анти! Из Сен-Жермена снова путаница в дороге, въехали в какой-то длинный туннель и Эдик завопил: «Его же не было! Когда построили?!» Однако благополучно выехали на знакомого Шарля де Голля. Заехали на квартиру на Инкермане. Какой-то передых, Эдик весь в машинных делах. Наконец освободился, снова в машину и в музей современного искусства на авеню президента Вильсона. Приехали – музей закрыт. И на Барреса в Мишину вотчину.

Обратно в Нейи-сюр-Сенн, но не прямо, а через Булонский лес: Эдик решил показать нам вечерние прелести свободной любви. Почти в ряд выстроены «девочки» с открытыми интимными местами в надежде на съем. Эдик сознательно замедлил ход машины, и жрицы любви почти бросаются на машину. На лице одной четко выделяется синяк. «Что это?» – удивляется Эд. «Это на сдачу», – отвечаю я, печальюсь о судьбе свободных женщин. И это не Эрот, не любовный пыл, это просто сделка купли-продажи. Недорого и быстро... Тайны Булонского леса. Дневной Булонский лес – для праздника и невинных развлечений, ночной – для торжества порока.

И тут хочется воскликнуть: а криминал?! Любая чаща леса – криминал, а уж Булонский – тем более. Здесь 6 июня 1867 года медленно ехал на лошади русский царь Александр II. Прогулку прервали два выстрела поляка-террориста Антона Березовского (одно из покушений на «царя-освободителя»). Александр II был ранен. Возвратясь во дворец, где он пребывал, заметил своей свите: «Вот видите, господа, похоже, я гожусь на что-то, раз на меня покушаются».

25 января 1937 года там же в Булонском лесу был насмерть зарезан Дмитрий Навашин, много знавший о преступных деяниях ГПУ, и он замолчал после того, как его настигла в Париже «рука Москвы». Да мало ли чего еще происходило в обширном Булонском лесу.

14 апреля – с утра нацелились на бульвар Бомарше, на магазин русской книги. И там обменяли свой «Клуб 1932» на томик Марселя Пруста «В направлении Свана», хотели продать, но вышло так, что обменяли. Тем более что цена оказалась одинакова: 80 франков. Я вышел из магазина и не мог некоторое время прийти себя: «Я и Пруст!» Это что-то невообразимое! И разве можно возразить французскому мэтру, что «настоящий рай – потерянный рай».

В 2008 году вышла моя книга «Знаменитые писатели Запада. 55 портретов». И там эссе о Прусте: «В поисках утраченного времени». А разве любой дневник, любое воспоминание – это не поиски утраченного времени?... Эссе вышло пространное и печальное, как и сама жизнь писателя, и чтобы скрасить немного повествование, я привел шуточные строки, адресованные одному из переводчиков Пруста – Николаю Любимову:

*Даже бабы, будь им пусто,
День и ночь читают Пруста.
Только ляжешь к ней в постель,
Глянь – а там уже Марсель.
«Коля, Пруста дай прочесть,
Окажи такую честь!»*

С улицы Бомарше отправились искать русскую церковь на Дарю, 12 – храм святого Благочинного Великого Князя Александра Невского.

Историческая церковь, связанная со всей русской эмигрантской жизнью. Здесь крестили, венчали и отпевали. Увы, не повезло: храм оказался закрытым. На дверях объявления по-русски о поисках работы с предложением разных услуг: менаж, глажка, коррекция бровей и т. д. И рядом с церковью ресторан «Петроградъ» – в меню есть зубровка от ностальгии по утраченной родине...

А потом Эдик и повез нас кормить. Вкусно, аппетитно, от мазареллы до красной рыбы... И в Люксембургский сад, в любимое место парижан, где гуляют, флиртуют, любят и страдают. Именно сюда приходили великие страдальцы – поэты Бодлер и Верлен. Поль Верлен часто тосковал и хандрил, и спрашивал самого себя:

*Откуда кручина
И сердца вдовство?
Хандра без причины
И ни от чего...*

В Люксембургском саду деревья, боскеты, лавочки, скульптуры: и все тот же Верлен, и Жорж Санд, и другие властители дум и сердца. Осмотрели Люксембургский дворец. Аллеи, дорожки, по которым кто только не гулял: Ватто и Давид, Модильяни и Цадкин, Андре Жид и Рильке, тут бродила самовольно сбежавшая от Гумилева Анна Ахматова в 1910 году. Юная Марина Цветаева прибегала в Люксембургский сад и писала здесь стихи. Обо всем этом можно разворачивать длинные тексты, но пора покидать Люксембургский сад, чуть слышно напевая песенку о нем Джо Дассена.

Да, забыл написать, как трудно добирались до Люксембургского сада. Эдик никак не мог выехать на нужную улицу к саду, названную в честь знаменитого французского физика и химика, и недоуменно кричал:

– Где Гей-Люссак?!

– Жопа, ты на нем стоишь! – без всяких сантиментов обозлилась Ще, напомнившая, что лев далеко не мирное животное и может иногда угрожающе рычать.

Я напряг память и вспомнил, что в школе мы, кажется, проходили какого-то Жозефа Гей-Люссака, который вывел закон, согласно которому коэффициент расширения всех газов одинаков. Короче, жопа-Люссак со своими газами...

Пока искали Гей-Люссак, позвонил Миша и сообщил отцу, что он женился в третий раз (потом Светлана, чтобы не путали с мамой, переименовалась в Еву). Миша предложил выпить за брак. Мы вернулись на Инкермана (тут Эдик не спрашивал, где памятник лошади?)

и отпраздновали это событие ужином с шампанским (тогда мы не знали, что надо было пить не сладкое шампанское, а исключительно горькую водку).

15 апреля – предпоследний парижский день посвящен Версалью. Эдик плавно катит по дороге А-13 и проскакивает место назначения, пришлось поворачивать назад. В Версале провели около двух часов и не заходили в главный дворец, зато погуляли по парку, который создал Ленотр, мастер перспективных построений со множеством бронзовых и старомодных статуй. Территория парка около 100 гектаров. В один день не обойдешь. Здесь устраивались королевские праздники и театральные представления. Все это было в Версале, лет 100 или 300 назад, а в день нашего посещения по парку Версаля гулял сильнейший ветрило, который в какой-то момент сбросил кепку с моей головы, и мы втроем бросились ее спасать. Но догнала улетевшую кепку какая-то юная Жанна д'Арк...

Из Версаля перебрались в маленький городок Севр, где расположены мастерские Севрского фарфорового завода. Севрский фарфор известен во всем мире. В мастерские, однако, не пошли, а кинулись в местный Макдональдс – все быстро и вкусно. Сам городок чудесный, как

говорится, это вам не Мытищи, где уют и комфорт днем с огнем не сыщешь (даже в рифму заговорил).

Обратно плутали по дорогам и, наконец, выехали на окружную. «Перфирик – это наше спасение!» – заключил Эдик и газанул по трассе. Поездка в Версаль заняла часов 6, не меньше. Заехали к Эдику, и он устроил очередную обжираловку, от швейцарского сыра до израильского вина, рыба, томаты и т. д. Трапеза завершена, и в подземный паркинг, но в отличие от фильма «В джазе только девушки», никто никого не расстреливал, да и «Белых гетр» не было. Ще спокойно ждала выезд у бака № 61. По выезду возникло желание проинспектировать клиентуру и живой товар в Булонском лесу, но сил уже не было. Да и Щекастик строго отверг мое скромное предложение. Только в отель, только в «Шарлемань»!

16 апреля – последний, 12-й день. Утром вышли из отеля погулять. Как назло, ясный и солнечный день без предыдущей серости и дождика. Прошлись по авеню де Мадрид. Заглянули на окраину Булонского леса. Бегают спортсмены, резвятся собачки, – все, как полагается.

В 11.05 были уже в аэропорту Шарля де Голля. Трата последних франков на шоколад. В 13.50 аэробус взлетел в парижское небо. По-московски было 15.50. В половине 9-го вечера были уже дома, на улице Куусинена. В подъезде шел ремонт и пахло масляной краской. Париж и ремонт – такое вот сочетание.

Утром 17 апреля началась послепарижская московская жизнь с тяжелым воздухом и плохой экологией. Вспоминая поездку, приведем отрывок из Николая Агнивцева:

*Париж – любовная химера!
Все пало пред тобой уже!
Париж Бальзака и Бодлера,
Париж Дюма и Беранже!*

*Париж кокоток и абсента,
Париж застывших луврских ниш,
Париж Коммуны и Конвента
И всех Людовиков Париж!*

*Париж бурлящего Монмартра,
Париж верленовских стихов,
Париж штандартов Бонапарта,
Париж семнадцати веков!..*

На этом, пожалуй, закончим о Париже-2000, и до новых встреч!.. (19 мая 2019)

25 апреля

Приехали в Москву. В подъезде нашего дома ремонт. Обнаружили, что парижский транспорт – не чета московскому, особенно метро – многолюдное, шумное, угрюмое, с длинными интервалами остановок, в противоположность парижскому – легкому, какому-то задорному и часто с музыкой и пением. Там даже в вагонах живут, а мы в Москве лишь добираемся до места назначения...

18-го начал печатать по горячим следам впечатления о Париже. В итоге 15 машинописных страниц. А еще клеил и дизайнировал фотоальбом по Парижу и, надо сказать, с удовольствием. Купил сок (в Париже все время пили), сплошной сахар, и вылили в раковину. Как говорил Остап Бендер: «Нет, это не Рио-де-Жанейро!» И не Рио-де-Пари!

23 апреля поехали на съемки «Академии», на следующий день – на радио, на Пятницкую, и пошел помолот. А еще Валера Горкин затащил меня на «Народное радио» и 50 минут

эфира. Успел ответить на несколько звонков. Одна женщина посетовала, что вот уже 20 лет как вдова и ей так «не хватает поцелуев, касаний, цветов...». Это реакция на мой рассказ о жизни, о чувствах, о любви. Мадам. Простите, больше не буду затрагивать чувствительные струны. Виноват...

Встреча с Лесневской. Была очень любезна. А практически ни о чем не договорились...

30 апреля – погода сюрпризирует феноменом: то в апреле рекордное тепло, двор густо зазеленел, то в конце месяца – майские холода. И идет какой-то мор: ушел Львов-Анохин, последний из Кукрыниксов – Николай Соколов, артист Петр Глебов (Григорий Мелехов в «Тихом Доне»), писатель Сергей Залыгин, красавица Алла Ларионова. Убит Вильям Похлебкин... Ну, а я? Помимо съемок и радиовыступлений, печатаю «Россию, XX век». В «Аkkорде» вышла публикация «Исповедь немзыкального человека». Сперанский устроил в своем салон-магазине изящную презентацию журнала. С музыкой, фуршетом и тостами.

9 мая – Дмитрий Дибров тут высказался с печалью, что его тянет в литературу, но «туда его еще не звали». А пока – он сын многих эфирных ТВ-программ: «Сегодня я есть, а завтра все меня забудут к чертовой матери...» Ну, я с книгами, с бумажками, с дневником, с разными публикациями, – чтоб не забыли? Нет, просто занимаюсь тем, чем мне интересно.

На 1 мая – холодрыга и мурлыканье Карела Готта: «Скажи мне, скрипка Паганини...» А она в ответ – таинственные сладкие звуки. По ТВ разные западные раскованно эротические фильмы. «Дьяволицы» – Шэрон Стоун и Изабель Аджани на пару топят в ванне своего любовника. Французский «Романс» с порнозвездой в главной роли, фильм не эротический, а почти гинекологический... (Да, было такое время, когда Россия тянулась за Западом и проходила порно-курс. А спустя годы все резко свернули и зажали страну в патриархально-религиозные скрепы – «Господи, помилуй!» – 20 мая 2019).

2 мая ездили в гости к Людочке и ее маме. Шампанское и коньяк «Мартель». А на следующий день по приглашению Маши Володиной – в Большой театр. В ложе бельэтажа – прекрасно видно. Балет Пуни «Дочь фараона», декорации и костюмы Пьера Лакотта, помпезно-красивые. В роли дочери фараона – Нина Ананиашвили, английского лорда танцевал Сергей Филин, нубийская невольница – восходящая звезда Маша Александрова. Ще получила огромное удовольствие, и мне было любопытно. В антракте смотрительница (оказалась моя поклонница по радио и газетам) показала нам царско-правительственную ложу, и Ще даже присела в зальчике за ложей, где отдыхали верховные правители страны. У Ще был вид Кисы Воробьянинова, который подпрыгивал на стуле, где были, как ему казалось, спрятаны бриллианты... Походили по фойе, и страшное разочарование по сравнению с Гранд-опера, в Париже – великолепие, у нас – потуги. Из Большого прошли по Тверской, и Ще с грустью: «Я архитектурно разочарована...» Не надо ездить по Парижам, и тогда все будет патриотично и прекрасно! Запад – это отрав...

4 мая – по Первому каналу разливался Александр Дольский: «где все тосковали по эссесеру / и где воровали все в меру...». А потом в программе «Добрый день» включили мой голос, записанный по телефону, немного об Александре Вертинском. Лариса Вербицкая: «Это Юрий Николаевич Безелянский, который выступает у нас часто...»

5-го были в Союзе женщин в Глинищевском переулке на выставке картин Люды Варламовой. Пришлось выступить, я начал со слов: «Люблю трех художниц: Наталью Гончарову, Бертю Моризо и Люду Варламову...»

7 мая записывал сразу три программы на «Дарьяле»: супруга Наполеона Мария-Луиза, поэт-гитарист Аполлон Григорьев и композитор Феликс Мендельсон, который считал себя счастливым человеком, но счастье его оказалось коротким... После съемок «студентки Академии» бросились к монитору, как все получилось. А я посмотрел мельком, хмыкнул, как старый

барбос, и уехал домой... Увиденный на днях фильм «Французский поцелуй» (США, 1995) с Мэг Райан и Кевином Кляйном мне понравился больше...

14 мая – приезжала Людочка со своим будущим мужем Бобом Харрисом, видным деятелем демократической партии США. Показывал ему архивы, переводила Люда, а Боб только цокал языком. Это было 9-го, а 11-го позвонил Андрею Вознесенскому и пожаловался на невнимание критики, на что Андрей посоветовал: «Не обращай внимания, у тебя и так уже есть имя и тебя знают в кругах...» В каких кругах? Литературных? Но круги молчат. Еще Андрей пообещал пригласить на заседание Пен-клуба. И... (вот именно «и»: ничего не состоялось. Одни обещания и никакого исполнения – 21 мая 2019).

Неприятный момент: налет черных масок на холдинг «Медиа-Мост». И пух и перья от гнезда инакомыслия. Первая президентская речь: одна Родина, один народ, одно будущее. Очень напоминает призыв печально знаменитого Адика: Германия-народ-Фюрер...

А тем временем по «Дарьял ТВ» шла одна из лучших моих программ о Бернарде Шоу. А в «Радуге» Атарова всю цenzурирует «Коктейль “Россия”». Мне она сказала: «Вы все время пытаетесь дожать патриотов». И снимает отдельные, на ее взгляд, крамольные фразы, вроде: «Строили третий Рим, а получили 4-й микрорайон Азиопы».

А я от России отвлекся на маркизе де Сада: скоро юбилей – 260 лет со дня рождения. Изучал переводную книгу Дональда Томаса о де Саде плюс различные вырезки, – и вот строчу черновик... Попал в очередной опрос «ВК», достойная компания: Наталья Дурова, актер Филиппенко, Юрий Мамлеев, Сличенко, Стеблов, Матвей Ганапольский, художница Татьяна Назаренко, короче, широкие круги общественности.

19 мая – я ворчу, недоволен, но при этом понимаю, что не прав, ибо разве это не счастье: сидеть дома, заниматься любимым делом и выбирать себе темы по своему вкусу. Чапаев? Нет, увольте. Маркиз де Сад поинтереснее и познавательнее...

Ездил в «Радугу», получал роялти, «Вера, Надежда, Любовь» с дополнительными тиражами – издано 20 тысяч экземпляров, «Джоконда» – 15...

28 мая – если записывать все, что сделал, куда ездил, где выступал, с кем общался, то получится длинный информационный список. Сократим его до предела.

18-го по «Дарьялу» прошла программа о Мессалине. Сразу позвонил Анисим и, как опытный телевизионщик, сказал, что я молодец! Программа удивительно интимная, камерная, таких нет ни на каких каналах...

По поводу заседания ПЕН-клуба решительно выступил Георгий Вайнер, прилетевший из Нью-Йорка: «А зачем? Зачем мне Гюнтер Грасс? Писать он меня научить не может. И о чем с ним тогда говорить? Как правило, все писатели неинтересные и скучные, лучше их знать по книгам». Тоже верно...

Неожиданность: прилетел Капланян и вручил журнал «info...», в номере вместе с отрывком Ерофеева «Москва-Петушки» – отрывок из книги «Страсти по Луне» и 200 долларов. Капланян сказал, что в Америке мои книги продаются. «Широкие круги» – дошли и до штатов?..

23 мая – бал в «Геликон-опере». Пригласил с собой Эдуардо, он получил большое удовольствие. А когда был фуршет, то пробивался к столу и приносил бутерброды, прирожденный Санчо Панса: «А вот с красной рыбкой – попробуй!» Интересно, если я не был писателем, стал ли он за мной ухаживать?.. В свою очередь подарил Дмитрию Бертману «Улыбку Джоконды» и напросился на приглашение на «Леди Макбет». Культуролог профессор Шерель наговорил кучу комплиментов, что, мол, «Академия любви» – одна из лучших и интеллигентнейших программ на нашем агрессивном ТВ. Сергей Ветров: «Программа оригинальная. Смотришь на коленки девочек и возбуждаешься, смотришь на Безелянского и успокаиваешься. Полная гармония...»

Помпезно принимали в Почетные кавалеры и дамы новых членов – Спиваков и Татьяна Назаренко. Надарили всяких подарков. Чествование первых Кавалеров (Нагибина и меня) прошло куда скромнее. Но времена меняются... Пообщался со Спиваковым, Володей Вишневым, Львовичем, маститым литературоведом Бенедиктом Сарновым. Он мне пожаловался, что у него готовы три книжки, а издать их не может «А как удастся вам?» – спросил Бенедикт. Что касается концертной программы, то она была на уровне. Домой нас с Ще отвез Эдик на машине, как белых людей.

А на следующий день – работа. Начал писать о пребывании Ромена Роллана в Москве в июне 1936 года для еженедельника «Эхо планеты» и о питании в Париже для новой газеты «К столу москвичей» – газету пробила Флора. Сделав два материала, взялся за Афанасия Фета для очередной «Академии».

«Сияла ночь. Луной был полон сад... Ты пела до зари, в слезах изнемогая...» Увы, мы пишем, «не изнемогая», а скороспело, на выдохе: успеть, отвезти, получить деньги. Прости нас, грешных, Афанасьевич. Добавлю в скобках: в 2008-м вышла книга «69 этюдов о русских писателях», а там – этюд «Пропали ли ласточки Афанасия Фета?».

Принимали у себя Эдуардо со Светой. Их поразили фотоальбомы. В субботу 27-го ездили в Калистово...

29 мая – вчера были на открытии научно-практической конференции «Человек и семья: преодоление насилия» в Горбачев-Фонде, в рамках «Клуба Раисы Максимовны». Собралось около 70 журналистов и экспертов, в том числе мы с Ще. Среди приглашенных Улицкая, Сараскина и др. Гениева привезла и раздала участницам мой «Клуб 1932» через фонд Сороса. В разговоре со мной Улицкая призналась: никуда не ходит, ничего не читает, переживает свой возраст. Опасная установка...

2 июня печалят уходы: Ангелина Степанова, Олег Ефремов. Культурологически я ближе к Ангелине Степановой (опять же жена Фадеева) и далек от современной Маши Распутиной... В «Вечорке» вышел маркиз де Сад. Сократили, остались сухие факты, но исчезла концепция...

30-го с Эдом ездили в «Радугу»: переговоры, книги, заявки. Потом неожиданно на Арбате попали в стоматологический центр «32», и его шеф Сорокоумов, узнав про книги, про «Клуб-32», возбудился и закупил несколько для своих пациентов: Искандеру, Шаинскому, Роксане Бабаян, Людмиле Лядовой и др., и закатил смешной банкет из бутербродов с колбасой. Слово «банкет» он произнес весьма торжественно, что было очень смешно...

10 июня – наступило лето, в плане политики – «эпоха военной демократии» или, как кто-то выразился, «праздник послушания». Никаких возражений, несогласий, критики, все лапки кверху!.. Отказал в опросе в «ВК» по поводу деятельности РПЦ... В «Эхо планеты» вышел материал «Двуликий Сталин ошеломляет Роллана»... По ТВ был оригинальный английский фильм «Евгений Онегин» (1999). В роли Онегина – Ральф Файнс, Татьяны Лариной – Лив Тайлер. Фильм пронизан тонкой английской иронией.

15 июня – в несчастливый день 13-го был арестован олигарх Владимир Гусинский, и над его медиа-империей нависли тучи. Ще в страхе, издадут ли теперь «Коктейль “Россия”»?.. Да, толкают страну – к изоляционизму, к железному занавесу, к тоталитаризму?..

17 июня – у Ветрова столкнулся с Екатериной Лавинской, лидером партии «Девственницы России», и Сергей загорелся идеей напечатать в своем журнале «Времечко» беседу знаменитой девственницы со старым Дон-Жуаном, то бишь со мной...

Из «Времечко» поехал на радио, получил гонорар, натолкнулся на секретаря Академии Российского телевидения. Узнав об «Академии любви», она, Елена Григорьева, предложила мне выставить на «Тэффи»: для этого нужно предоставить пленки и 100 долларов (?). Я отказался, пускай этим занимается босс Вайнер. Ну, и прочие встречи и дерганья. А в эти дни от сердечного приступа скончался в 60 лет Григорий Горин, как предупреждение: не шустри!.. Как любит говорить Боря Давидовский: «Бэнц, и Ленского не стало!..»

24 июня – еще одна возникла идея сделать книгу «10 загадочных мужчин и 10 роковых женщин», и под нее начал сочинять про Альфреда Хичкока. А там – Марлен Дитрих, Коко Шанель и пр. Ездил в «Радугу» и успел на флажке в «Коктейль “России”» вставить строки Александра Городницкого:

*Зодчий Карл Иванович Росси,
И художник Левитан,
Как ответить, если спросят,
Кто вы были меж славян.
Тюрки, немцы или греки,
Из каких вы родом стран.
Имена теряют реки,
Образуя океан.*

Политическая обстановка серьезная, и гложут сомнения, выйдет книга о национальных проблемах России или нет? Вопрос. На Западе против нашего наката на медиа пишут, что «Путин показывает свое кэгебешеное лицо».

21-е – сплошной Хичкок. Добил 12 страниц. А на следующий день поехал на Пятницкую. Записал программы на р/с «Маяк»: криминал и любовь. Отказался выпить с Кудриным, и далее на Тверской бульвар – в «Эхо планеты». Оттуда в ЦДЛ платить взносы. И все надо, надо, надо... Первый канал ТВ пригласил в какую-то программу «Цивилизация», а я, как тягучий лейтенант Коломбо из ТВ-сериала, уже не успеваю...

26 июня – маленькое отдохновение: на Неглинной с Ще побывали на выставке «Парижское кафе» – Борис Григорьев, Зданевич, Дейнека, Коровин, Судейкин... Около метро «Революция» столкнулись с митингом коммунистов. Какой-то бесноватый оратор кричал, что «у нас в годы войны было все: танки, бомбы, пушки!..» А что сейчас, не хватает пушек на каждую мирную единицу? И еще митингующие несли плакаты: «Евгений Киселев, Сванидзе, Доренко – современные геббельсы!». Господи, какая же у них каша в голове!..

1 июля – на машине отвезли в Останкино, рукгруппы Сергей Алексеев горит желанием сделать со мной историческую рубрику, он хочет, а начальство? И поэтому: «Ничего не обещаю», ну, а я: «Ничего не жду». В гримерной гримировался вместе с вдовой Игоря Ильинского актрисой Еремеевой, она мне неожиданно подарила книгу о режиссере Борисе Равенских. Ну, а я рассказывал под запись о том, что происходило 100 лет назад.

28-го поехал на Арбат, в Большой Афанасьевский, в какой-то студии располагается штаб-квартира председателя партии девственниц 30-летней Лизы Лавинской. Почти рядом идет съемка обнаженной модели для «Плейбоя». Голая модель сидит на подоконнике и в руках держит черный зонт. Слышны команды: «Открой!.. Прикрой!.. Развернись!..» – чтоб поэффектнее и поэротичнее. Потом фотограф добрался до нас с Лизой: усадил спинами друг другу и щелкнул. И где-то этот снимок наверняка мелькнул... Сама Лиза – некрасивая и бубнящая женщина о том, что все мужчины тупые и агрессивные. Подарил главной девственнице свой «Налог на любовь».

29 июня – встреча в бизнес-центре на Тверской с миллионером Б., он предложил написать книгу о том, как начинался бизнес его и друзей. О том, как студентами мыли окна, как торговали книгами и оренбургскими платками и т. д. Книга-откровение. Естественно, за деньги. «Я подумаю», – сказал я. Встреча на «Динамо» с Игорем Добронравовым: обмен книгами, я ему «Клуб 1932», а он – свое и пресс-центра детище – огромный фолиант, посвященный футбольному клубу «Динамо», на эту историческую хронику Игорь потратил почти 10-летие. Что ж, у каждого своя миссия...

7 июля – о бытовых делах – ни слова. А вот творческие закончил. 11 страниц текста «Михаил и Наталья. Русская лав стори» – о великом князе Михаиле Романове – 32 страницы. Вел переговоры с Анелей Меркуловой о большой программе, а, может быть, сериале – «Русский след», о судьбе знаменитых русских эмигрантов. Долгие, тягучие и безрезультатные переговоры, ибо мало написать текст, под него надо пробить немалые деньги... А тем временем «Коктейль “Россия”» отправлен в типографию в Можайск (загнали за Можай – есть такая поговорка)... В журнале «Времечко» вышел материал о Наполеоне и Марии-Луизе, в «Эхо планеты» – о ноте Керзона.

И к вопросу, как нахожу своих героев? По-разному, иногда случайно, так, искал кого-то в своем архиве, и вдруг вывалилось досье с вырезками о Льве Троцком. И я загорелся: Троцкий – это архиинтересно!.. Одна опасность: назовут троцкистом...

11 июля – за один день проглотил два тома воспоминаний Троцкого «Моя жизнь». Лев был не без литературного таланта. Ездили на Ваганьково. 48 лет прошло после ухода мамы. И вот только что: Булат Окуджава, Горин, Брагинский... динамовцы: Лев Яшин, Игорь Численко...

16 июля – раньше мечтал о Париже, теперь о Звенигороде: передохнуть, подышать... Ну, а 12-го дышал воздухом Останкино и подвергался излучению Останкинской башни. Вез меня бывший геолог, ныне работы нет, и пришлось сесть за баранку. Приехал в редакцию – сплошное уважение и респект за умение просто и доходчиво доносить исторические темы. Вместе со мной в программе была Маша Арбатова, мы с ней даже немного сцепились: Зюганов – политик или нет, моя позиция: горе-политик, даже и квази... Ну, а в эфире разговор шел о супружеских изменах, в разговоре еще участвовала Лена Левина. Я говорил о Суворове, Багратионе, Бальмонте...

14-го завершилась эпопея с «Садом любви»: поехал к Песковой, и она отдала мне рукопись с листами цветного ксерокса и кассетой с набором. Как жаль: могла бы выйти роскошная книга, но все уперлось в деньги и, как говорят в Одессе: ша!.. Чтобы сгладить так и не расцветший «Сад любви» в течение пяти лет (!), подарила изданные ею «Золотые альбомы» к 200-летию Пушкина. Пушкину повезло больше, чем мне. Не знаю, рад ли он (там, на небесах), но я за него рад. Ну, а мне пришлось утешиться вышедшей газетой с материалом «Париж – город гурманов». Еще печатал Троцкого и вполглаза смотрел «Академию любви» – Вольтер...

21 июля – в «Радуге» роялти и цифры проданных книг («Вера, Надежда...», «Джоконда», «Луна», «Клуб 1932») – из 45 тысяч экземпляров книг не проданы – 13. 610. А более 31 тысячи улетели... Маюсь с «Капризами любви», никак не могу пристроить, даже в «Деловом экспрессе» – не катит никак. А все начали с «Рипол-классик»...

Продолжаю печатать Троцкого, а в голове крутится идея книги «Российские монстры» – Иван Грозный, Бирон, Бенкендорф, Аракчеев, Дзержинский, Ежов, Берия... 20-го приезжали телевизионщики, обговаривали программу «Русский след». Переговоры без реального движения вперед... Пока реальность: Троцкий и лечение зубов (как получу гонорар, то тут же надо бежать к стоматологу, – такая вот странная зависимость).

27 июля – в «Эхо планеты» отвез материал «Бальзак и бальзачок». Шел по бульвару, на лавочках сидят люди, пьют, чешутся, лежат, милуются и т. д. А я, бедненький, все время куда-то иду-мчусь-опазываю, что-то сдаю, что-то получаю и весь в круговерти. С Тверского и на Пятницкую, на радио... Приезжали брать интервью для цветного журнала «Библио-Глобус», шеф издания Екатерина Симонова утверждает, что я – популярный писатель. Неужели?!..

Вот я, вроде бы, обижаюсь на свою суматошную жизнь, а рядом со мной сколько одаренных людей и не востребовавшихся, и они кукуют и жалуются. В этой связи вспомнил цитату из Эразма Роттердамского: «Чаще всего побеждает тот, кого не принимали всерьез». Может быть, может быть...

Закончил Троцкого, в итоге – 81 страница. Неплохо. Перед Звенигородом взял путеводитель. Как неинтересно и блекло писали в советское время. Писали, и считали себя писателями и журналистами. Сейчас это читать невозможно.

28 июля – 4 августа. ЗВЕНИГОРОД. Если отбросить мелочи, то все было хорошо. Отдохнули, отоспались, были даже дни, когда днем к кровати прикладывались по три раза. Газеты объясняли, что все дело во вспышке на солнце. Ненормальное повышенное давление превращает человека в сомнамбулу. В Москве людей увозят с инфарктами и инсультами. Веселые дела.

Жили в полулюксе, две комнаты – спальня и гостиная, два балкона-лоджии и напротив сосны. В доме отдыха «Звенигород» явно лучше, чем в Софрино. Есть библиотека, смотрю на «Б» – Безуглов есть, а Безелянского нет: за последние три года библиотека не приобрела ни одной книги. Из библиотеки к Москве-реке. Познакомились с экскурсоводом Светланой Юревич, подарил ей «Налог на любовь». Потом она сказала, что книга ей понравилась, но... «очень жестковатая, какая-то медицинская», ей Руслан Киреев больше нравится. Киреев – так Киреев...

Первая экскурсия на «Боинге» – разбитом допотопном автобусе. Посмотрели Успенский собор. Затем в местечко Дютково, где жил Танеев. Живописный уголок, лавочка Левитана... Экскурсовод заявила, что Звенигород и Сергиев Посад – два подмосковных Барбизона (видно, читала о Франции, но там не была).

1 августа – Щекин юбилей, 60 лет. Летний солнечный подарочный день. Вторая экскурсия – Новоиерусалим – город Истра. Идет реставрация, и полного впечатления нет. Понравился Гефсиманский сад за Гефсиманской башней. Конечно, не сад, а большое зеленое пространство куртинами. Скит Никона, речка Истра, которую называют Иорданью. Словом, своя доморощенная Палестина. Вспомнились строки Пастернака «Гефсиманский сад».

*Лужайка обрывалась с половины.
За нею начинался Млечный Путь.
Седые серебристые маслины
Пытались вдаль по воздуху шагнуть...*

Вечером в баре по бокалу «Мартини бланко» и мороженое. Вот так чуть отметили круглую дату... На следующий день открыли для себя по соседству солидный санаторий «Звенигород» от мэрии со старым дворцом Лопухиной, одной из фавориток Павла I. Дворец с колоннами в коринфском стиле. Тогда мы не подозревали, что будем сюда приезжать, как к себе домой, с выступлениями перед отдыхающими «Нам не дано предугадать...»

В 11 часов утра 4 августа выехали из Звенигорода, и через полтора часа уже были дома. Первый звонок в «Радугу»: в Можайске сломалась фотонаборная машина, и, соответственно, сигнал новой книги задерживается. Взялся за накопившийся пук газет. В «Сударушке» у Ще вышел текст об Аракчееве, в «Москвичке» – колонка и поздравление с юбилеем. Я подарил Ще книгу «Сто одна поэтесса Серебряного века».

13 августа – пока я был в Звенигороде, разразился финансовый кризис на «Дарьял ТВ», и съемки были приостановлены. Вышли в свет только «Бандиты любви» в издании «Кумиры». Остальные материалы зависли.

3 августа в 19 часов включили новости – взрыв на Пушкинской в подземном переходе. Сто человеческих жертв. «Ад в центре Москвы» – напишет одна из газет. Террористы пришли или доморощенные?.. И снова можно рассуждать о печальной судьбе погибших: молодую женщину Ольгу Удалову только что приняли на работу в «Московские новости», отпросилась пораньше по делам и... взрыв. Я часто хожу по этому переходу, и что теперь, не ходить?..

10 августа ездил в «Пашков дом», работа над книгой «Россия, XX век» идет полным ходом, мне дали набор, в котором я сразу утонул. Все хорошо, но денег на книгу пока нет... В «ВК» сокращенный Хичкок.

17 августа – по Игорю Северянину: «И невозможное возможно в стране возможностей больших...» – вышла в свет книга «5-й пункт, или «Коктейль “Россия”». Толстенный том, 558 страниц. Моя 10-я книга и 5-я, изданная в «Радуге». Даже не верится, что моя бредовая идея воплотилась в реальное издание. 15 августа получил книгу, и к вечеру всю ее пролистал-прочитал. Грандиозно... «Коктейль» выпит, или, скажем так: с плеч долой. А всю движется, громящая в голове, книга о Москве. Все время что-то приходится дополнять найденной информацией или каким-то новым ЧП...

20 августа – и ЧП, да еще какое! Гибель подлодки в Баренцевом море. Минимум информации, все засекречено, боятся западной помощи. И как написали в «МК»: все верхи и ВМФ «думали только о своей жопе! И о теплом кресле под ней...». Старый советский атавизм: главное государство, мощь, империя, а на людей можно наплевать, какие-то «винтики», и что, их надо обязательно спасать?! Противно все это до тошноты.

18-го ездил в «Радугу». Получил авторские экземпляры «Коктейля», а Атарова еще подарила трехтомник моего любимого Киплинга. И кстати, о солдатской участи:

*«Эй, Томми, так тебя и сяк, катись, и черт с тобой!»
Но он – «защитник родины», когда выходит в бой.
Да, Томми, так его и сяк, не раз уже учен,
И Томми вовсе не дурак, он знает, что почем!..*

И, конечно: «О, Запад есть Запад. Восток есть Восток, и с места они не сойдут...» И безрадостная служба: «День-ночь, день-ночь, – мы идем по Африке...» Приехал домой с «Коктейлями» и тремя томами Киплинга и засел за свою «Африку»: за октябрь в книге о Москве.

19 августа – историческая встреча на Болотной площади с Василием Аксеновым, автором «Звездного билета» и других популярных книг, с ровесником, которому я вручил книгу «Клуб 1932». Показал «Коктейль», но не подарил. Если захочет – купит.

С Аксеновым мило пообщались, гуляя по скверу на Болотной втроем – Василий Палыч, маленькая собачка по кличке Пушкин (тибетский терьер) и Ю. Б. Аксенов посетовал, что ему не пришла в голову идея написать о звездных ровесниках, ну, а мне – «Звездный билет» и «Остров Крым». Распрощавшись, пошел на Полянку, в магазин «Молодая гвардия» – «Коктейль “Россия”» уже в продаже – 65 ре. Рядом «Вера, Надежда, Любовь». Поговорил с продавцами, рассказали приколы от посетителей магазина, как спрашивают, есть ли в продаже «Москва-Петушки» Зощенко? А Гумилев?

– Вам какого Гумилева – Николая или Льва?

– Ну, не знаю... ну, того, который в полосочку.

26 августа – из Тбилиси прилетела Лика и гостила у нас. Способная девочка, упорно идет к профессорскому званию в области биологии, своя лаборатория в Мюнхене. И О. Ю. ничего не добила и не хочет, нет, хочет скорее на пенсию, чтобы ничего не делать. На вопрос, какие у нее новости? Ответила: тут с мамой мыли кота Васю. Но коммент!..

В «Радуге» был на дне рождения сразу двух сотрудников. Зимина распорядилась подарить всем собравшимся книгу «Коктейль», и я всем ее подписал, а кому-то даже посвятил строчки. К примеру, «Александру Борисовичу»:

*Книжник с головы до ног.
А какой распространитель!
Все исполнит точно в срок,*

Ибо «Радуги» хранитель.

23 августа добил рукопись «Московские даты – люди, события» – 922 страницы. Фолиант!.. В последний день в Москве Лика мне, старому, давала советы, как выбивать гранты, как выходить на славистов и т. д. Грант – это 50 тысяч долларов, при этой цифре Ще сползла с дивана. Это же меховое мантио, поездки в Европу, ремонт в квартире, наконец!.. Я вяло улыбался, понимая, что ничего не выбью, да и хватка уже не та и энергии маловато...

30 августа – к гибели подлодки «Курск», взрыву на Пушкинской добавился пожар на Останкинской башне. Какие-то зловещие знаки новому правителю России... Ну, я и печатал текст про Киплинга, а 28го поехал в «Радугу» отвозить рукопись о Москве: половина текста в сумке на плече, вторая – в руках в пакете. Писатель-такелажник, без грантов и без внимания славистов... Самочувствие? Болит голова. Ноет печатающий палец. Что-то вступает в правую ногу. Но об этом только в дневнике, по секрету...

С Эдиком ездили на Востряковское кладбище, там могилы отца и матери Эдуардо и моего отца. Возложили цветы. На обратном пути наткнулись на захоронение академика Андрея Сахарова: вогнутая вглубь стела-плита из черного мрамора. И надпись: Андрей Сахаров и годы жизни. Никаких званий. Да, и стояла осенняя скорбная погода с мелко моросящим дождем. Скорбь и память...

9 сентября. 4-го созвонился с Владимиром Войновичем, получил приглашение и пошел к нему в гости в районе станции «Аэропорт». Полчаса проговорил со своим знаменитым ровесником. И обменялись книгами: я ему «Клуб 1932», он мне свою книгу «Монументальная пропаганда» с надписью: «Юрию Безелянскому – одноклубнику 1932 – с пожеланием монументальных успехов во всех начинаниях». Я сказал Войновичу, что никак не могу прорваться с предложением издания книги на Запад, а в ответ услышал: и не прорветесь без литературного агента. Ну да, а где взять? И еще, наверное, мне мешает незнание какого-нибудь иностранного языка. Не выучил. Не хватило воли. Не захотел отвлекаться от своих планов...

А так все по-прежнему. Стучит машинка, телефонные звонки, личные контакты, в «Вечорке» дали рекламу «Коктейля “Россия”»... 6 сентября открылась Московская международная книжная ярмарка. Только подошел к стенду «Радуги», как просят подписать «Коктейль». Какой-то бородатый доктор наук признался, что вчера читал, не отрываясь от него, до полуночи. На ярмарке распространяли рекламный номер магазина «Библио-Глобус», в котором напечатали интервью со мной под заголовком «Юрий Безелянский эпатирует...» А внутри журнала более спокойный заголовок «Хранитель времени». Я бы добавил: хранитель времени с маленьким гонораром.

7 сентября – в «Вечорке» вышел отрывок главы о театре – об актрисах и актерах, – с веселеньким подзаголовком: «Антисемитам эта книга вряд ли понравится».

8 сентября на книжной ярмарке подписывал свой «Коктейль»: не меньше 50 книг. Среди покупателей было немало еврейского происхождения, один спросил меня: не испытывал ли я, когда писал книгу, давление органов? Я ответил, что нет, только вот за издательство боялся, что придут патриоты бить окна. Но слава Богу, окна остались целыми... Среди подошедших ко мне самым ценным человеком был академик Сигурд Оттович Шмидт, мой давний поклонник, старенький, с палочкой. Он тут же полез в книгу смотреть, что я написал об его отце, о знаменитом полярнике Отто Шмидте. В целом мне вручили охапку комплементарных слов. Параллельно «Коктейлю» покупали и другие мои книги: Луну, Клуб. Короче, был небольшой успех. Читают, знают, следят, любят... Одно плохо: вернулся с ВВЦ еле живой...

14 сентября – продолжение проекта книги «Аромат денег» (такое я придумал название). Сговорились на десять тысяч долларов, аванс на руки пять тысяч. И за работу: надо встречаться и собирать материалы о том, как начинался бизнес у заказчика и его друзей и соратников. И вот тут облом: никто не хочет говорить, вспомнить и раскрывать «производственные тайны»...

16 сентября – ездил в Радиокомитет, Валерий Горкин записал мое интервью минут на 50, сказал, что разрежет его на кусочки и отдаст на р/с «Голос России» и на «Народное радио», и за меня получают денежку. С Пятницкой на Большую Татарскую (Бывшую Землячку), в «Говорит Москва». Там интервью у меня брала Марина Скалина для программы «Ближе к ночи» (или «к вечеру»?) о книге «Коктейль», о национальных проблемах. А на следующий день – приглашение на Авторское телевидение, съемки во дворце завода АЗЛК, там конкурс частушек. Ну, а я причем? Оказывается, я в жюри, председатель – актер Андрей Харитонов. Сплошной песняк «Не морозь меня, моего коня...» Народные песни и частушку про женскую попку и ядерную кнопку, про то, как поломался трактор, встали элеваторы, будем клеить мужика в губернаторы...» Народный юмор.

*У меня разбита бровь,
И синяк на роже.
Если это не любовь
То скажите, что же?!*

И всем этим певческим речитативом управляет Семеновна – «Эх, Семеновна!» И кто? Конечно, еврейка Марина Голуб. Уже смешно!.. Я сидел, слушал и удивлялся самому себе, куда влип исследователь Серебряного века? Зигзаги судьбы... Да, и какие! В рамках проекта «Аромат денег» попал в офис «Альфа-Эко» на новом Арбате уже в качестве интервьюера. Слушал жуткие истории про постсоветский бизнес...

24 сентября – жизнь какая-то сумасшедшая. 2 сентября исполнилось 68 с половиной лет, и никакого покоя. Увяз в делах, как в трясине. А тут еще и правая нога барахлит, то ли артрит, то ли что, но подхрамываю. У Ще свои приключения со здоровьем. В общем, пара гнедых...

Звонил одному из олигархов, секретарь заявил: «Пока указания связываться с вами нет...» И куда сунулся!.. Так что большие деньги – это мираж в пустыне, и довольствуюсь малыми: получил 50 долларов без всякой ведомости за императрицу Марию-Луизу во «Временичко».

На горизонте возник новый журнал – ежемесячный международный журнал (издается с 1981 года Еврейской культурно-просветительской организацией Chamah). Директор издания Гиллель Зальцман. Наташа Зимянина (дочь секретаря ЦК КПСС Мих. Зимянина) с главным редактором Ларисой Токарь. И началось почти на 20 лет наше творческое сотрудничество, вылившееся в книгу «Золотые перья» (2008). А началось со скромной публикации с поминальника знаменитых людей, родившихся в октябре, для октябрьского номера. Вариация моего старого календаря. Так был запущен новый журнал «Алеф», а в «Пашков доме» вовсю буксует книга «Россия, XX век».

21 сентября во «Французской галерее» (Витошный переулок) отмечалось 60-летие Светланы, жены Эдуардо. Юбилей был на славу, даже с музыкантами и песнями про тум-балалайку и «чирим-бо-бом». А у меня свой «чирим-бо-бом»: в «Вечерней Москве» вышел Редьярд Киплинг. Отнюдь не рядовая публикация.

В ЦДЛ на презентации книги «Итальянская поэзия» в переводах Солоневича познакомился с Евгением Рейном, другом Иосифа Бродского. Мы сразу прониклись симпатией друг к другу, и я пожалел, что не вхожу в литературную тусовку, ибо в принципе сам ее избегаю. Там все друг друга знают, а я – одинокий волк. Познакомился в ЦДЛ с Татьяной Бек, она подивилась: «Как это вам удастся издать так много книг?..» Не в последнюю очередь, что чураться тусовок, не растрчиваю время, а дома долблю и долблю...

30 сентября – очередной вояж к стоматологу: появилась коронка и новый зуб. С этим зубом отправился 25-го в магазин «Москва» на презентацию «Коктейля “Россия”» (презентация зуба и книги – это интересно!). Подписал книг 15, не больше. Чересчур любознательные

покупатели задавали вопросы: «А ссылки есть?», «А это правда, что вы написали?..» В какой-то газете, точно не помню, появилась заметка-рецензия «Опасный пункт», 5-й, разумеется...

26 сентября по приглашению монументальной Катерины Ивановны (главный культорг санатория «Звенигород») впервые (а потом в бесчисленный раз – 27 мая 2019), приехали с Ще выступать, точнее, нас доставили на машине всего за один час. Сначала обед, а потом в зал, построенный амфитеатром, как зал Чайковского. Собралось, я подсчитал, 58 человек. Но Катерина сказала: «Это аншлаг!» Ще рассказывала о Параше Жемчуговой, я – об Инессе Арманд. Собравшиеся отчаянно хлопали. И собрали букет комплиментов. «В Анечку все влюбились», – сказала Катерина Звенигородская. А какая-то отдыхающая подошла ко мне после выступления и заявила, что для нее это счастливый день: знакомство со мной и покупка книг. Господи, как мало порой нужно людям...

В «ВК» вышел великий князь – «Не по царским правилам». Два брата Романовых с разной судьбой и одинаково ужасным концом жизни – Николай и Михаил.

7 октября – в субботу 30-го в Театре эстрады смотрели «Птицы» – светопреставление в двух частях (Геннадий Хазанов, Вячеслав Войнаровский и Кахи Кавсадзе). Подарил Хазанову «5-й пункт, или Коктейль “Россия”». Думаю: точно по адресу...

Неожиданный звонок из Клуба профессиональных секретарей, там прочитали мою «Веру, Надежду...» и просят у них выступить. И выступление 7 октября в клубе-баре «Будда» на Пушечной улице.

14 октября и выступил. Тема: любовь великих. Секретари офисов засыпали вопросами. И почему-то многих волновала проблема, как относиться к изменам мужа или любовника? Я отвечал на все вопросы и даже взмок, но за доллары – платное выступление.

Ну, а я весь в заявках, в книгах. В «Радугу» отдал заявку на книгу «В садах де Сада». «Веру, Надежду...» Собираются издать пятым тиражом. А тут повстречал певицу Маргариту Суворову («Якутяночка», «Цыганка Мариула», «Мелодия» и другие песни). Она буквально бросилась мне на шею. Одни любят. Другие молчат. Третьи ненавидят. Пригласили в историко-архивный институт, где собираются «шибко известные люди в своем мире», как сказал сын знаменитого Отто Шмидта. Но не поехал из-за живота: прихватило, и так бывает в этой жизни...

Попалось на глаза интервью Нины Садур. Она печалится: «Мне почему-то никогда не дают никаких премий». И о писателях: «Они не хотят дружить со мной...». У всех свои проблемы, жалобы, претензии. И всем хочется получить кусочек славы. Когда-то поэт Николай Доризо написал строки: «Хочу услышать похвалу. / Заметь меня, старик Державин...» На что получил ответ от пародиста Александра Иванова:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.